

И. В. Леонов¹, Г. Ройттер², И. В. Кириллов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
г. Санкт-Петербург;

² Немецкая Евангелическо-лютеранская община св. Анны и св. Петра,
г. Санкт-Петербург

Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX—XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества

Статья посвящена анализу трансформаций сакральных мест культуры России в ходе истории XX—XXI вв. В качестве рассматриваемого материала выбраны памятники религиозного зодчества, претерпевшие особенно существенные метаморфозы, ставшие следствием политических, идеологических, урбанизационных и иных процессов в отечественной культуре обозначенного периода. Показаны основные векторы трансформаций культовых сооружений, связанные с народно-хозяйственными и культурно-просветительскими нуждами. Приведены многочисленные исторические примеры обозначенных трансформаций. Затронут зарубежный опыт приспособления культовых зданий под иные нужды.

В качестве отдельного примера рассматривается историческая «биография» лютеранской Петрикирхе (г. Санкт-Петербург). В XX—XXI вв. памятник испытал достаточно сильные воздействия истории, существенно менявшие его форму и «смысловую ауру». Указывается, что многие воздействия истории на памятник «наслаиваются» друг на друга, впитываются в его «ткань», становясь неотъемлемой частью его биографии, во многом усиливая и обогащая историко-культурную структуру сооружения. На этом основании делается вывод, что «следы» различных периодов истории могут представлять как минимум интерес, а порой и ценность, поскольку, став частью судьбы памятника, они отражают его судьбу, «страдания», которые он перенес, а также глубокую сопричастность отечественной истории, включая ее различные периоды.

Ключевые слова: артефакт, культовое здание, сакральное место, «многослойный» артефакт, «страдающий» артефакт, смысловая аура, патина времени, культурное наследие.

I. V. Leonov¹, G. Reutter², I. V. Kirillov¹

¹ St.-Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg;

² German Evangelical Lutheran community of St. Anna and St. Petr, St. Petersburg

Transformation of Forms and «Semantic Aura» of Sacred Places in the Culture of 19—21 century Russia: the Case Study of Religious Architecture Monuments

The article is devoted to the analysis of transformations of sacred places of culture in Russia during the history of the 19th — 21st centuries. For the material under consideration we selected monuments of religious architecture that have undergone particularly significant metamorphoses which were the result of political, ideological, urban and other processes in the national culture of the designated period. The main vectors of transformation of religious buildings related to national economic and cultural and educational needs are shown in the article. Numerous historical examples of the indicated transformations are given. The foreign experience of adapting religious buildings to different needs will be affected.

As a separate example, the historical «biography» of the Lutheran Petrikirche (St. Petersburg) is considered. In 20th — 21st centuries this monument underwent in rather strong influences of history which significantly changed its form and «semantic aura». It is pointed out that many of the effects of history on this monument «overlap» each other, absorb in its «fabric», while becoming an integral part of its biography, greatly enhancing and enriching the historical and cultural structure of the monument. On this basis, it is concluded that the «traces» of various periods of history can be of the least interest, and sometimes even value since becoming a part of the fate of the monument they reflect its fate, the «sufferings» that it has suffered as well as its deep involvement in the national history, including its various periods.

Keywords: artifact, cult building, sacred place, «multi-layered» artifact, «suffering» artifact, semantic aura, patina of time, cultural heritage.

Развалины Рима дают могущественное и волнующее чувство вечности. <...> Много увидите вы в Риме храмов сложного строения, совмещающих несколько культовых и культурных эпох. На развалинах древнего языческого храма построен храм первохристиан, а на нем позднейший христианский храм. Таков, например, прелестный храм St. Maria in Cosmedin и более известный St. Clemente. Это дает исключительное чувство неистребимой, вечно пребывающей реальности истории [1, с. 96—97].

Н. А. Бердяев

Введение. Историко-культурное наследие представляет собой достаточно богатую и разнообразную сферу памятников, относимых к самым разным типам. Особую группу в обозначенном типологическом многообразии составляют памятники, материальные формы и ценностно-смысловая «аура» которых претерпели определенные изменения, относимые к сфере неорганических. Речь о тех артефактах, которые вследствие воздействия истории пережили радикальные трансформации, «деформировавшие» их как на материальном, так и на духовном уровне.

Среди указанных памятников отдельную группу составляют скальные места и культовые сооружения, наличие которых характерно для всех этапов истории человечества. На протяжении веков в контексте межкультурных взаимодействий, а также внутрикультурных преобразований указанные памятники, отражая воздействие конкретно-исторических обстоятельств, претерпевали всевозможные метаморфозы и «травмы». Поврежденные памятники с особой силой воздействуют на зрителя, являя свой исторический опыт и перенесенные «страдания»; ценность порой имеют даже те следы, которые относятся к «нелюбимому прошлому» и свидетельствуют о пережитом травматическом опыте. Указанные воздействия истории зачастую обладают большой ценностью, так как иллюстрируют многослойность историогенеза памятников культуры и знаковых событий, к которым они имеют отношение [2].

Отпечатки времени, которые неизбежно остаются на памятниках, создают своего рода летопись, повествующую о биографии памятников и о временах, оказавших на них воздействие. Такие летописи являются своего рода «текстом в камне»; при этом они могут восприниматься как нечто деформирующее памятник и противоречащее его природе; с другой стороны, они нередко содержат значимые свидетельства, усиливающие памятник и дающие нам важные сведения об ушедших эпохах. В данном случае показательно мнение Г. Лебона, который отмечал: «Каменные книги — самые ясные из книг, единственные, никогда не лгущие, и на этом основании я им отвожу главное место <...>. Я всегда питал большое недоверие к литературным документам. Они часто вводят в заблуждение и редко научают. Памятник никогда не обманывает и всегда научает» [3, с. 88—89].

Для отечественной истории Новейшего времени, динамика которой, по мнению И. В. Кондакова, характеризуется периодически-

ми «тектоническими сдвигами» и по сути своей преимущественно не непрерывна, а дискретна, характерна “резкая смена культурных парадигм; время от времени назревающая ломка общественно-исторического уклада и социально-политического устройства страны” [4, с. 293]. По мнению ученого, такая форма макродинамики культуры России характеризуется архитектурными перегруппировками ценностно-смысловых оснований культуры, определяющими весь ее строй на тот или иной момент истории. Культурные сооружения, являющиеся важнейшей частью российской национальной культуры, отражая воздействие данных «разломов», переживали обозначенные выше трансформации в достаточно выраженной и резкой форме.

Методы исследования, теоретическая база. Основу анализа различных векторов трансформаций культовых сооружений в отечественной культуре XX—XXI вв. составил синтез органистического и тесно связанного с ним архитектурного подходов, позволяющих изучать «исторические биографии» памятников в единстве их разновременных состояний, даже если таковые во многом противоречат друг другу. Такой подход позволяет фиксировать усложнение патины изучаемых памятников, которая «впитывает» множественные следы времени; памятники преобразуются под воздействием времени подобно «организмам» (точнее «организованным единствам» в гетевском видении). Памятники как историко-культурные целостности, трансформирующиеся во времени, накапливают определенный «опыт», порой выраженный в их неорганических изменениях и сопутствующих «страданиях», достаточно сильно усложняющий их форму и смысловую ауру, что в определенной степени повышает интерес к ним со стороны широкой общественности и научного сообщества.

Результаты исследования. Революционные преобразования, произошедшие в России в первые десятилетия XX в., имели ярко выраженную атеистическую направленность, сказавшуюся на культурообразующих аспектах традиционных верований и религий. Как следствие, многие (но не все) памятники, сопричастные указанным сферам, подверглись различного рода неорганическим трансформациям либо были уничтожены. При этом «ткань» многих памятников так или иначе (порой невольно) впитывала указанные воздействия, включая в свою историко-культурную структуру новые

«осадочные породы» (в терминологии А. Рибера [5]). В контексте массового сознания в отношении трансформаций указанной группы памятников на протяжении всей истории СССР и постсоветского времени существовали неоднозначные оценки, в том числе и откровенно антирелигиозные и пренебрежительные, которые в отдельные периоды преобладали. Кроме того, были оценки более сдержанные и нейтральные либо находящиеся вне пределов указанного дискурса, во многом основанные на непонимании изначального статуса и предназначения рассматриваемых памятников.

Изучая позиции, бытовавшие в советской культуре относительно верований, необходимо подчеркнуть, что каждая из них имела под собой историко-генетические предпосылки и почву. Атеистический вектор был тесно связан с присутствовавшей в российском революционном движении, начиная с народовольческих времен (1860—1870-е гг.), откровенно антирелигиозной составляющей. Подобная тенденция явно проявлялась в советской культуре с момента ее основания и большую часть времени доминировала на официальном уровне. При этом в контексте советской истории, даже в рамках господствующего атеистического вектора, происходило обращение к сакрально-религиозным ценностям культуры, что явно свидетельствует о том, что идущие из прошлого культурогенетические структуры не могут быть окончательно отвергнуты даже в том случае, если они явно противоречат той или иной форме современности либо нивелируются ею. В данном вопросе показательным является процесс возвращения в 1930—1940-х гг. отечественной культуры ко многим системообразующим аспектам собственной истории, ставка на которые в первые послереволюционные годы была достаточно слабой, уступая место политике Интернационала. Особенно ярко такие тенденции стали проявляться в годы Великой Отечественной войны, а также в последующее время. В качестве примера можно назвать агитпродукцию военных лет, прежде всего плакаты, отсылающие к традиционным для русской культуры образам и символам (в том числе и религиозным), а также к историческим личностям, служащим эталоном борьбы против врагов Отечества, в том числе и к некоторым князьям, царям, императорам и полководцам (Александру Невскому, Дмитрию Донскому, А. В. Суворову, М. И. Кутузову и др.). Кроме того, обращают на себя внимание насыщенная реминисценциями традиций русской куль-

туры военная лирика К. М. Симонова и А. Т. Твардовского, военная публицистика А. Н. Толстого и мн. др.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо указать, что в пространстве советской культуры антирелигиозная компонента, которая была официально провозглашена и активно внедрялась в массы, так и не получила всеобщего принятия. Трансформации некоторых объектов (например, перестройка в крематорий Серафимовского храма московского Донского монастыря и проекты строительства крематория на территории петербургской Александро-Невской лавры [6]) воспринимались значительной частью населения не иначе как кощунственные. Здесь следует указать, что культурогенез являет собой процесс постепенного напластования и взаимопроникновения различных «годовых колец» истории, которые вступают друг с другом во взаимодействие и во многом определяют характер последующих напластований. И какими бы ни были будущие смещения культурогенетических цепочек, прошлое всегда остается фундаментом настоящего и будущего, зачастую довлея над культурой в латентных или явных формах.

Особенно отчетливо влияние прошлых культурогенетических состояний прослеживается в больших системах, которые по сути своей весьма инерционны. Есть все основания утверждать, что «геном» традиционных и религиозных верований в известной степени сохранялся и воспроизводился на всем протяжении советской истории, порой обретая формы скрытые и неявные даже для носителей данного «генома» (так, во время переписи 1937 г. 57 % граждан СССР старше 16 лет, несмотря на возможные санкции, указали себя как верующих [7; 8]; советским руководством это было воспринято как неуспех «безбожной пятилетки»). Представление о том, что традиционные верования и религии бытовали в советской культуре в качестве атавизмов «старого режима» и их адептами были преимущественно представители старших возрастных групп (бабушки, которые крестили внуков втайне от их родителей и готовили на Пасху куличи), не выдерживает критики.

Помимо названных бинарных составляющих, интерес вызывает третья составляющая, весьма распространенная в советской культуре и выходящая за пределы дискурса, рождаемого указанными оппозициями. Речь идет о религиозно-индифферентных представителях советского общества, которые номинально были вос-

питаны в атеистической традиции, но не вполне воспринимали ее ценностные установки и не придавали большого значения религиозному фактору, считая его рудиментом. Эти люди в массе своей не были вовлечены в религиозную традицию и не имели возможности видеть ее изнутри. Такая отстраненная позиция выводила ее представителей за рамки вышеуказанной бинарной оппозиции.

Возвращаясь к заявленной теме, отметим, что в контексте официальной атеистической направленности советской культуры многие культовые сооружения лишались своего сакрально-религиозного статуса, подвергаясь разного рода перестройкам, которые влекли за собой изменение их ценностно-смыслового и функционального строя. Анализируя характер данных трансформаций, можно отметить, что они имеют под собой определенную логику, связанную со сложным переплетением различных составляющих конкретно-исторических реалий, комбинаторика которых зачастую определяла судьбу артефактов.

Важно заметить, что обмирщение культуры, сопряженное с репрофилированием культовых зданий под светские нужды, стало в век модерна общей тенденцией для всех европейских стран; нельзя назвать это явление исключительно советским — хотя, разумеется, трансформация культовых зданий в России происходила неизмеримо более болезненно и драматично, чем в любом другом европейском государстве (исключая, возможно, Албанию 1960—1980-х гг.). Множество храмов в Западной Европе и США перестроены под жилые дома, отели (отель «Priory» в американском Питтсбурге находится в здании бывшего бенедиктинского монастыря), концертные залы («Altar Bar» в том же Питтсбурге; название рок-клуба, находящегося в здании бывшей католической церкви, даже религиозно индифферентным людям может показаться провокативным или даже кощунственным), театры (театр «Quaggy», Бедфорд, Великобритания), библиотеки, производственные помещения, офисы (пример — компьютерный центр в здании барселонской часовни Торре Жирона, расположенной на территории политехнического университета), рестораны, и даже скейт-парки (бывшая церковь святой Варвары в испанской Льянере), и даже цирки...

Переходя к рассмотрению общих тенденций и закономерностей неорганических изменений форм и ценностно-смысловых составляющих культовых сооружений, необходимо выделить два век-

тора, которые определяли данные изменения. Первый из них выразался в акценте на *общественно значимую функцию религиозных сооружений при их перестройке*. Указанный вектор конкретизировался в реализации политико-идеологической, просветительской и досугово-рекреационной составляющих советской культуры. Большинство культовых зданий традиционных для России конфессий по сути своей были общественными зданиями, вмещали много людей; их внутреннее устройство было рассчитано на реализацию общественных функций, в частности на трансляцию духовных аспектов культуры, что находило выражение в грандиозных, масштабных внутренних формах зданий и осуществлялось путем воздействия визуальных, аудиальных и ароматических составляющих, комплекс которых позволял эффективно транслировать и прививать значимые компоненты духовной культуры. Отмеченные аспекты в их функциональном виде были сохранены и во многих перестроенных в советское время культовых зданиях, которые модернизировались для трансляции указанных выше аспектов советской культуры, что было весьма показательным.

Анализ трансформаций форм и смысловой ауры сакральных мест и религиозных памятников, относящихся к советскому времени, показывает, что в рамках рассматриваемого вектора официальные практики преобразования указанных артефактов обнаруживают устойчивые тенденции, во многом связанные с их общественной нагрузкой, с трансляцией мировоззренческих и поведенческих императивов. Так, реализуя марксистско-ленинскую концепцию культуры как части надстройки, руководство страны ставило своей целью создание нового советского человека, в том числе и посредством трансформации культовых сооружений, наделяя их функцией транслятора советской идеологии, которая призвана была определять практически все стороны жизни. Как следствие, одним из основных направлений изменения функционального предназначения многих храмов было их преобразование в общественные пространства нового типа, где прививались основы культуры социалистического общества (в его советском видении); в качестве таких пространств выступали дворцы и дома культуры, а также клубы и другие подобные заведения. В данных центрах осуществлялась комплексная организация совместных форм деятельности граждан вне рабочего времени, в том числе досуга и самодеятельности.

Жизнь советского человека во многом должна была протекать в общественных пространствах, в качестве которых нередко выступали бывшие культовые здания, которые ранее транслировали религиозные идеи. К примеру, была перестроена под клуб петербургская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры на пр. Стачек. Достаточно часто культовые здания, принадлежащие разным конфессиям, перестраивали под кинотеатры; подобная участь постигла, например, петербургскую Анненкирхе и кирху Преображения Господня в Зеленогорске (Териоках).

Кроме того, помещения храмов становились основой для создания различных образовательных и просветительских центров. Отмеченное функциональное предназначение во многом определялось особенностями архитектуры церковных зданий. Так, одной из распространенных форм трансформации культовых памятников стало создание в них планетариев (особенно это касалось храмовых зданий крестово-купольного и неовизантийского типов, но не только: например, в Оренбурге и Владикавказе в планетарии были преобразованы мечети, в г. Херсоне (Украина) — синагога). Порой такого рода проекты переоборудования церквей сопровождались сравнением с землей примыкающего к храму кладбища и переоборудованием освободившегося пространства в парк культуры и отдыха (принципиально новый тип культурно-досуговых пространств, появившийся в СССР в 1920-е гг. и получивший большое распространение в последующие десятилетия) либо в сквер. Устроение планетариев в храмах было во многом показательно: религиозной картине мира противопоставлялась научная астрофизическая картина мира, не допускавшая наличия бога.

Еще одним проявлением данного вектора стало создание на основе храмов музеев, спортивных и образовательных учреждений. Петербургская церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (Лесной пр.) превратилась в спортивный зал, Никольская единоверческая церковь (ул. Марата) — в Музей Арктики и Антарктики; в здании церкви святого Александра Невского (ул. Правды) находятся аудитории Института кино и телевидения; в здании Успенской церкви (наб. Лейтенанта Шмидта) в советское время действовал каток. В лишенном креста Казанском соборе до 1990-х гг. находился Музей истории религии и атеизма, а на его фасаде в 1930—1940-х гг. нередко размещали агитационные плакаты; это вообще было одной из ха-

рактерных примет довоенного Советского Союза — «бесчисленные ограды церквей и монастырей предоставляют наилучшие площади для плакатов» [9, с. 196]. Фотографии Казанского собора, сделанные в 1930-х гг., могут удивить наших современников: так, на фото 1934 г. у собора размещена масштабная экспозиция, посвященная челяскинцам, на фасаде собора размещен большой портрет Сталина, меньшие по размерам портреты героев-полярников, макеты аэропланов и славящие полярников лозунги, а на куполе собора, лишенном креста, развевается красный флаг. Рядом с колоннами Казанского собора были размещены стационарные книжные киоски, в которых продавали, в частности, техническую литературу и учебники для ВТУЗов; киоски также были снабжены агитационными плакатами («Вооружим творческую инициативу масс глубоким знанием техники» и т. д.). Подобным образом использовали и здание Исаакиевского собора: во время больших советских праздников на нем зажигали праздничное освещение, включающее светящиеся надписи агитационного содержания. Церковь Милующей иконы Божией Матери в Галерной гавани (Большой проспект Васильевского острова) стала школой водолазов; внутри церкви был оборудован бассейн для подготовки водолазов-спасателей, барокамера и т. д.

Другой вектор, определявший перестройку культовых сооружений, был непосредственно связан с *народно-хозяйственными и административными нуждами*. Примерами таких перестроек является приспособление культовых зданий под складские помещения, архивы, производственные цеха и т. д. Петербургская церковь Тихвинской иконы Божией матери на ул. Карташихина превратилась в Гаванский универмаг, церковь Казанской иконы Божией матери (ул. Подрезова) обратилась в конструктивистский жилой дом, церковь преподобного Алексия Человека Божия (Чкаловский пр.) стала цехом завода «Измеритель».

Примечательна история здания Воскресенского Смольного собора в Санкт-Петербурге. В советское время в нем размещался склад театральных декораций, существовал проект устройства в здании собора планетария. В 1940-х гг. под зданием собора был оборудован бункер, который во время блокады использовался политическим руководством города как укрытие и рабочее помещение; бункер функционировал и после войны, в 1960-х гг. он был оснащен системами противоатомной защиты. В 1970—2000-х гг. здание Смоль-

ного собора использовалось как концертно-выставочный зал [10, с. 7—9]. Таким образом, Смольный собор отразил несколько практик перестройки и приспособления культовых зданий. В 2009 г. в соборе возобновились богослужения, а в 2016 г. здание было возвращено Русской православной церкви.

Стоит отметить, что в ряде случаев пространство переделанных зданий использовалось для сохранения и спасения жизней. Так, московский Храм Троицы Живоначальной при бывшем Шереметевском странноприимном доме был в 1923 г. передан Институту травматологии и неотложной помощи (ныне НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского). В Петербурге в советское время медицинские учреждения располагались в помещениях Церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Лахтинская ул.), в Пантелеймоновской церкви (Свердловская наб.), в другой Пантелеймоновской церкви (Фермское ш., комплекс зданий психиатрической больницы им. Скворцова-Степанова); во флигеле, в котором ранее жили члены причта и сторожа Владимирской церкви; во время Великой Отечественной войны госпиталь размещался и в корпусах петербургской Александро-Невской лавры. По сию пору используются для медицинских целей часовня Петропавловской больницы (наб. Льва Толстого), немецкая лютеранская церковь Христа Спасителя (Лиговский пр.), церковь во имя царицы Александры в Царском Селе.

Как уже было выше отмечено, трансформация церковных зданий для светских нужд, в которой часть советских людей видела оптимистический пафос преобразования общества, строительства нового счастливого будущего, объективно коробила священнослужителей и многих мирян — даже в том случае, если культовое здание впоследствии использовалось для благородных целей. В данном случае мы имеем дело со сложной этической проблемой, с вопросом, на который невозможно дать ответ, который был бы однозначно принят российским обществом... Можно лишь отметить, что в условиях советского периода перестройка храмового здания для светских нужд, передача культового здания какой-либо организации, предприятию, учреждению нередко была, к сожалению, единственной возможностью спасти его. Так, архитектор А. П. Изoitко, руководивший в 1950—1960-х гг. перестройкой петербургской Лютеранской церкви святых Петра и Павла, вспоминал о том, как решалась судьба церковного здания в условиях советского времени: «Я видел состояние ин-

терьеров церкви — оно было ужасным: обвалившиеся хоры, местами пробитые своды. <...> Государственная инспекция по охране памятников, которая всячески опекала здание, прилагала все усилия к тому, чтобы оно попало в руки богатого и заинтересованного в сохранении сооружения “хозяина”» [11, с. 72, 70]. Подобных свидетельств, относящихся к культовым зданиям, можно привести немало.

История трансформаций Лютеранской церкви святых Петра и Павла (Петрикирхе) — крупнейшей и известнейшей петербургской протестантской церкви — представляет большой интерес.

Немецкая община существовала в Санкт-Петербурге с самого основания города; на протяжении долгого времени немцы были второй по численности этнической группой в городе, уступая только русским. Немцы были представлены во всех стратах петербургского общества: как среди высших военных и государственных деятелей (достаточно вспомнить имена Х. Миниха, Е. Канкрин, П. Клейнмихеля, Э. Тотлебена, Н. Гирса, В. фон Плеве, С. Витте), ученых (Ф. Миллер, П. Паллас), людей искусства (Н. Гербель, Ю. Фельтен, К. Тон, Т. Брюллов, В. Шретер; созданная П. Клодтом скульптурная группа «Укрощение коней человеком» стала одним из символов Санкт-Петербурга), так и среди рядовых петербургских обывателей. Так как большинство петербургских немцев были лютеранами, основными храмами, которые они возвели, были кирхи.

Петрикирхе находится в центре Санкт-Петербурга, между Большой и Малыми Конюшенными улицами, на участке, который в 1727 г. подарил немецкой общине император Петр II [12, S. 16]. Первое здание Петрикирхе на этом участке было построено в 1728—1730 гг. К 1830-м гг. здание обветшало, и в 1833—1838 гг. архитектором А. Брюлловым (братом знаменитого художника) была возведена современная каменная церковь, содержащая черты позднего классицизма и романтического стилизаторства. По своим техническим характеристикам здание церкви было на тот момент уникальным для России; при его постройке применялись новаторские технологии каркасно-стенового строительства.

Петрикирхе является подлинным украшением Санкт-Петербурга; даже советские эксперты, которые действовали в период государственного атеизма, характеризовали храмовое здание так: «высокий образец синтеза архитектуры и скульптуры, с большим мастерством вписано в общий ансамбль Невского проспекта

<...> один из интереснейших его участков» [13; копия справки хранится в архиве Петрикирхе]. В убранстве кирхи выделялись находящиеся в алтаре картины Г. Гольбейна (Младшего) «Иисус с Фомой неверующим» и К. Брюллова «Распятие», а также круглые изображения святых Петра и Павла, тоже выполненные К. Брюлловым. Помимо этого, церковь была украшена витражами работы Ш. Келльнера и Г. Мартина. В 1840 г. в Петрикирхе был установлен орган фирмы Валькер — в то время самый большой в России.

Во второй половине XIX в. жизнь церковной общины была весьма динамичной, ее численность достигала 18 тыс. человек. Кирха была множеством нитей связана с общественной и культурной жизнью Санкт-Петербурга и России в целом. При кирхе функционировала Петришуле, которая являлась одной из самых знаменитых и славных петербургских школ (выпускниками Петришуле, в частности, были П. Вяземский, К. Росси, Н. Бенуа, М. Мусоргский, П. Лесгафт, адмиралы П. Чичагов и Л. Кербер, основоположник советской кибернетики А. Берг и др.). В Петришуле выступали с лекциями Д. Менделеев, Н. Бекетов, К. Кавелин, И. Сеченов и другие знаменитые ученые. У органиста Петрикирхе Г. Штиля в 1863—1865 гг. занимался П. Чайковский. Достоин внимания также и то, что при Петрикирхе существовали благотворительные организации: воспитательные дома для сирот, Общество попечительства над бедными.

Судьба церковного здания была непростой. В 1883 г. Петрикирхе была серьезно реконструирована архитектором Р. Бернгардом: мягкий грунт и разница в давлении на него вызвали осадки стен и привели к появлению в них трещин, потребовалось укрепление кирхи с помощью стальных затяжек. В 1890-х гг. последовала вторая реконструкция (под руководством архитектора М. Месмахера), в ходе которой был сильно изменен интерьер кирхи. Реконструкторы, преследуя цель привести к единству различные элементы храмового интерьера, действовали весьма радикально: вся церковная роспись, выполненная в 1830-х гг. художником-декоратором И. Дроллингером по рисункам А. Брюллова, была уничтожена и заменена на новую яркую полихромную роспись по рисункам М. Месмахера — в традициях зрелого эклектизма.

К концу XIX в. численность немецкой общины Петербурга превышала 40 тыс. человек; действовали многочисленные немецкие культовые сооружения, общественные организации, национальные школы, выходили газеты на немецком языке.

Первая мировая война нанесла тяжелый удар по социальному статусу российских немцев — несмотря на то, что большинство из них были лояльными подданными российского императора. За мировой войной последовали революционные потрясения. Эмиграция немцев из Петербурга-Петрограда, которая началась еще в начале XX в., с 1918 г. приняла обвальный характер. Число прихожан резко сократилось.

1930—1940-е гг. были для российских немцев тяжелым временем. Немецкая община Ленинграда, в том числе и прихожане и служители Петрикирхе, жестоко пострадала от репрессий 30-х: так, пастор Петрикирхе П. Райхерт был расстрелян, а его предшественник Г. Берендтс умер в лагере. В 1941—1942 гг. ленинградские немцы оказались в ссылке, преимущественно в Сибири и в Казахстане. Только во второй половине 1950-х гг. уцелевшие немцы смогли вернуться в Ленинград.

Петрикирхе — в числе других лютеранских церквей — была закрыта в конце 1937 г. На долгие десятилетия здание Петрикирхе «ушло из памяти города как церковное» [14, с. 14]. Сперва помещение церкви превратилось в склад концертного объединения «Ленгосэстрада», затем в нем экспонировалась выставочная панорама «Северный полюс», потом здание использовалось для хранения театральных декораций. Все представляющие художественную ценность предметы были переданы в музеи, внутренняя отделка здания сильно пострадала.

Следует отметить, что кирхи (равно как и культовые здания, принадлежавшие другим конфессиям) выполняли не только сугубо религиозную, но и общественно-интегративную, а также многие другие функции, являясь «центрами притяжения» и гармонизации жизни соответствующих общин. Культовые здания и приходская жизнь служили основой «старого порядка» и обеспечивали устойчивость межпоколенной трансляции культуры. Последующие болезненные трансформации и ликвидации указанных центров существенно повлияли на историогенез соответствующих социокультурных систем.

В 1956—1963 гг. по проекту А. Изоитко и Л. Онежского храм был перестроен, перепланирован и превращен в плавательный бассейн. Подобное перепрофилирование культового сооружения является для бывшего СССР редким, почти исключительным; авторы располагают сведениями только о двух храмах, которые были превраще-

ны в плавательные бассейны; помимо Петрикирхе, такая участь постигла также православный собор Святого Николая Чудотворца в г. Бобруйске (Белоруссия). Использование Петрикирхе в качестве бассейна повлияло на здание: стал подмываться фундамент, оседали несущие колонны и стены, появились трещины в кирпичной кладке, отваливалась штукатурка.

В 1993 г. здание Петрикирхе было возвращено Евангелическо-лютеранской церкви. В последующие годы под руководством Ф. Венцеля и И. Шапарана была проведена техническая реставрация, в ходе которой был реконструирован интерьер, практически утративший историческую отделку. В ходе первого этапа реставрации бетонная чаша бассейна оказалась нетронутой; над ней на стальных несущих балках настелили новый пол. Сохранились и спортивные трибуны с деревянными скамьями; новые входы в церковный зал были врезаны в конструкцию трибун.

Ф. Венцель и С. Венцель писали, что история оставила в здании Петрикирхе многочисленные материальные свидетельства прошлого: «Как нам следовало с ними обходиться? Вместо того чтобы их разрушить или удалить, мы решили включить их в проект и приспособить к новым нуждам. <...> Вопросы дальнейшего признания перестроек советского времени, смягчения звучания их тогдашнего назначения, постепенного, но неуклонного преодоления прошлого — об этом возникало много дискуссий и принципиальных разговоров. <...> Согласно нашим представлениям, церковь существует во времени, и этот факт мы хотели сделать явным <...>. Может быть, Петрикирхе окажется примером и поможет другим, жить рядом со свидетельствами прошлого» [15, с. 90], даже если это прошлое, по мнению автора, противоречиво. Ф. Венцель и С. Венцель также свидетельствуют: «Нельзя реставрировать то, чего ранее не существовало. Поэтому во время реставрационных работы не были привнесены какие-либо историзованные декоративные моменты» [15, с. 86] (в цитатах сохранена орфография и пунктуация оригинала).

Таким образом, на сегодняшний день мы видим здание действующей церкви, частично реконструированное, однако включающее недействующую бетонную чашу бассейна и спортивные трибуны. Данное решение выглядит неоднозначно, ибо здание функционирует как храм, однако в его пространстве сохраняются различные «наслоения истории», которые многими воспринимаются как чужеродные. Данное состояние памятника высвечивает еще большую

теоретико-методологическую проблему, связанную с исторической многослойностью многих сложных артефактов и проблемой выявления их эталонных состояний. С одной стороны, есть стратегия восприятия памятников историко-культурного наследия как «статичных» объектов, которым свойственно одно «эталонное» состояние, максимально выражающее их естество. Такого рода подход является наиболее очевидным и простым для восприятия артефактов как выражений определенных авторских замыслов, или «эйдосов». Либо данные памятники могут представлять как некие статичные объекты, одномерное восприятие которых обусловлено различными факторами, включая политико-идеологический контекст, специфику ценностно-смысловой сферы культуры, стереотипы и «ожидаемые образы», влияние моды и другие факторы, способствующие конструированию представлений об историко-культурной реальности памятников на уровне фиксации их «эталонных состояний». Именно данный подход рождает простые и одномерные решения в отношении судеб памятников, имеющих сложную историко-культурную структуру, отраженную в метаморфозах их материальной формы и смысловой ауры. В рамках данного подхода патина времени воспринимается не как свидетель истории, а как чужеродный налет, противоречащий природе памятников и искажающий их, а потому приговоренный к расчистке, несмотря на то, что он несет определенную информацию о биографии артефактов, как минимум свидетельствуя об их возрасте. Указанное одномерное понимание природы памятников доминирует на уровне массового сознания и имеет достаточно высокую степень влияния на сферу работы с культурным наследием, так или иначе ориентирующуюся на потребителя. В рамках такого контекста дискурсы относительно судеб сложных памятников нередко ограничиваются лишь полемикой вокруг выбора того или иного состояния как наиболее приемлемого, при этом без допуска самой возможности сохранения их исторической многослойности.

А с другой стороны — существует подход, позволяющий воспринимать памятник как сложную, исторически изменчивую структуру, претерпевающую преобразования и впитывающую различные наслоения времени. При таком подходе морфогенез памятника воспринимается в его историко-культурных перспективах и метаморфозах; при этом может даже не быть явного акцента на то или иное его состояние как определяющее. Артефакт, будучи когда-то созданным, может преобразовываться во времени, сохраняя изначальный «пер-

вофеномен», обеспечивающий историко-генетическую преемственность различных состояний его формы и смысловой ауры. Подобное восприятие артефакта переключает внимание исследователя с односторонних интерпретаций его природы в сторону его восприятия в контексте исторически изменяющегося комплекса «пережитых» этапов его биографии. Данный ракурс многомерного постижения сути памятника, предстающего как историко-культурный гештальт, позволяет фиксировать весь спектр его проявлений в едином аккорде пережитых состояний, при этом допуская возможность анализа каждого из них. Тем не менее при всех притягательных моментах указанного подхода его достаточно трудно реализовывать в практической работе со сложноорганизованными памятниками, выявить, раскрыть и сохранить все состояния которых технически невероятно трудно. Как правило, в данном случае осуществляется выбор состояния «максимального выражения» памятника с фрагментарными или имитируемыми формами выражения других состояний [См. подробнее об этом: 16; 17].

Указанные подходы (которые нечасто применяются в чистом виде) отражают полярные варианты решения судеб «многослойных» памятников, формируя пространство, в рамках которого реализуются те или иные практики работы с памятниками культурного наследия. В этом плане показательным мнение заслуженного реставратора РФ, директора Государственного музея-заповедника «Царское Село» О. Таратыновой, которая пишет о трех стратегиях реставрации культовых зданий, применяемых в современном Санкт-Петербурге: «I. Полная реставрация с сохранением ценных перестроек и расширений — обычно этот подход применяется на культовых объектах, которые <...> полностью или с минимальными утратами сохранили свою отделку.

II. Фрагментарная реставрация с сохранением элементов отделки: используется в зданиях, где первоначальная «авторская» отделка отсутствует, однако сохранились ее части. Подразумевает использование современных приемов оформления интерьера с сохранением отдельных, дошедших до нашего времени, элементов отделки.

III. Воссоздание культовых объектов: подразумевает восстановление здания на первоначальный или «научно-оптимальный» период на основе историко-археологических исследований. Одной из разновидностей такого подхода является воссоздание по тем или иным причинам полностью утраченных интерьеров» [18, с. 100].

Названные стратегии раскрывают вариативность практик работы с многослойными артефактами; ни одна из указанных стратегий не является единственно верной и исчерпывающей. Актуальным при работе со сложными артефактами является гибкий и вариативный подход в подборе практик работы с ними, с учетом специфики конкретных объектов. В случае же с вышеуказанной Петрикирхе применение третьей стратегии было бы делом исключительно сложным: с учетом морфогенеза памятника в XVIII — начале XX в. однозначно зафиксировать его «эталонное» состояние достаточно трудно, поскольку он неоднократно перестраивался. Применение первой стратегии невозможно по причине того, что здание Петрикирхе было существенно перестроено и не сохранилось внутреннее убранство. Сделанный Ф. Венцелем и И. Шапараном выбор в пользу второй стратегии представляется абсолютно оправданным, поскольку данный выбор позволяет частично сохранить и раскрыть многослойную структуру памятника, каждый слой которого отражает определенный этап его биографии, включая фактор противоречивых воздействий истории, которые участвуют в формировании его ткани.

При этом каждый слой по-своему ценен, минимум как носитель исторической памяти и свидетель времени. Различные слои дополняют и усиливают друг друга, взаимодействуют, раскрывают биографию памятника во всех его противоречиях. С течением времени новые слои «врастают» в тела артефактов, становясь их органичной частью. В указанном ракурсе опыт сохранения и реставрации Петрикирхе представляется весьма интересным, направленным на избегание крайних решений и позволяющим корректно интерпретировать различные стадии генезиса артефактов.

Посетителям, которые приходят в Петрикирхе, сразу бросаются в глаза расширенные фрагменты росписи интерьеров, выполненной М. Месмахером; эти фрагменты соседствуют с современной штукатуркой. Размещенные в Петрикирхе стенды и информационные щиты повествуют об истории кирхи и церковной общины с момента основания и до наших дней. На стендах есть сведения о многочисленных реконструкциях, которым подверглось церковное здание, о былом убранстве, в том числе об утраченных элементах интерьера (размещены, в частности, копии витражей, некогда украшавших Петрикирхе; несколько подлинных витражей находятся с 1938 г. в Государственном Эрмитаже) [19]. Есть на стендах и в экспозиционных

витринах сведения о драматичных событиях XX в. — о преследованиях, которым подверглись советские немцы, о произошедшем в 1930-е гг. разорении Петрикирхе и о 30-летнем бытовании в ее здании бассейна Балтийского морского пароходства; представлены, например, номерки от кабинок раздевалок бассейна и фотографии, сделанные на матчах по водному поло; представляется правильным то, что «бассейнный» период истории Петрикирхе освещается сдержанно, без излишней аффектации. Главный зал кирхи также «многослоен»: церковная архитектура и церковное убранство сочетаются с конструкциями, типичными для спортивных сооружений советского периода.

Большой интерес представляют «катакомбы» — пространство под главным залом кирхи, вмещающее в настоящее время чашу бассейна. В катакомбах также явственно видна многослойность здания, видны самые разные его составляющие — от кладки XIX в. до голубой кафельной плитки, типичного атрибута последних советских десятилетий. Помещение катакомб ныне используется для проведения театральных постановок, художественных выставок и других мероприятий. Исключительно сильное впечатление производят росписи стен, выполненные в катакомбах художником А. Шмидтом, которые освещают трагические страницы истории российских немцев. И очень ценно то, что картины из жизни ссыльных и лагерников соседствуют с написанным на многих языках словом «любовь». Любовь, Love, Amor... Эти слова являются частью росписи американского художника М. Лэмба, украшающей внешние стены чаши бассейна.

Заключение. Таким образом, Петрикирхе во многом восстановлена и реализует ценностно-смысловые аспекты религиозной архитектуры. Она живая и полнокровная, несмотря на все воздействия истории. Петрикирхе выполняет свои функции и как действующая лютеранская церковь, и как важный культурный центр, и как интересный многослойный артефакт, имеющий большое значение для немецкой общины Петербурга, для города и страны в целом.

Практика работы с указанным памятником характеризуется взвешенным и бережным обращением с различными слоями истории, избеганием скоропалительных решений в вопросах их сохранения, воссоздания и расчистки. Конечно, сама природа Петрикирхе говорит о примате ее церковного предназначения (что реализуется в настоящее время). Однако «временные кольца» ее биографии раскрывают про-

житую памятником жизнь, и отрицать их — значит отрицать и стирать историческую память. В каждом конкретном случае уместно вести речь о коррекции слоев и изменении их пропорций. Реставрацию Петрикирхе нельзя считать окончательно завершенной; работы прерваны по причине недостатка финансирования и технической сложности. В будущем, в случае возобновления работ, возможно, речь пойдет об усилении алтарной части кирхи — вопрос об этом поднимался еще в 1990-х гг., до начала первого этапа реставрации, когда шли жаркие дискуссии специалистов, прихожан и служителей церкви.

Подводя итог, отметим, что культовые сооружения и сакральные места, претерпевавшие различные воздействия истории, порой наносящие им «шрамы» и причиняющие «страдания», становятся (помимо своего прямого предназначения) средоточием исторического опыта — в том числе его трагичных и спорных аспектов, о которых важно помнить.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
2. Леонов И. В., Грусман Я. В. «Страдающие артефакты» историко-культурного наследия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 3 (40). С. 61—67.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
4. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 282—304.
5. Rieber A.J. The Sedimentary Society // Russian History. 1989. Vol. 16, № 2—4. Pp. 353—376.
6. Шкаровский М. В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией // Клио. 2006. № 3 (34). С. 158—163.
7. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
8. Волков А. Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы // Экспресс-информация. Серия «История статистики». М.: Статистика, 1990. Вып. 3—5 (часть II). С. 6—63.
9. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
10. Власникова М. А. Ревалоризация и ревитализация Смольного собора в контексте музейного дела // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (42). С. 6—11.
11. Изоитко А. П. Приспособление здания Петрикирхе под бассейн // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге.

Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 70—81.

12. Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg 1710—1910. St. Petersburg: Buchdruckerei I. Ehrlich, 1910. 6 с., 346 стб.

13. Церковь Петра и Павла (лютеранская). Краткая историческая справка / И. Мачерет; сост. архитектурно-реставрационной мастерской № 11 проектного института «Ленпроект». Ленинград, 1955. Машинопись.

14. Федоров С. Г. Архитектурно-строительная история здания лютеранской церкви св. Петра и Павла в Петербурге // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 12—69.

15. Венцель Ф., Венцель С. Возвращение к храму: 1994—1997 // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 82—97.

16. Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. Т. 1. № 1. С. 46—55.

17. Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению памятников культурного наследия (на примере дворцово-паркового ансамбля Царского Села). Часть первая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 78—87.

18. Таратынова О. В. Церковь св. Петра и опыт восстановления культовых зданий в Санкт-Петербурге // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 98—111.

19. Иванов Е. Ю., Севастьянов К. К. Витражи Петрикирхе // Der Bote / Вестник. 1999. № 3. С. 18—19.

References

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. Berlin, Obelisk, 1923. 246 p. (In Russian).

2. Leonov I. V., Grusman Ya. V. «Stradayushchie artefakty» istoriko-kul'turnogo naslediya ["Suffering Artifacts" of Historical and Cultural Heritage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of

Saint Petersburg State University of Culture], 2019, no. 3 (40), pp. 61—67. (In Russian).

3. Lebon G. *Psihologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg, Maket Publ., 1995. 311 p. (In Russian).

4. Kondakov I. V. *Civilizacionnaya identichnost' Rossii: sushchnost', struktura i mekhanizmy* [Civilizational Identity of Russia: Essence, Structure and Mechanisms]. *Voprosy social'noj teorii* [Issues of Social Theory], 2010, vol. IV, pp. 282—304. (In Russian).

5. Rieber A. J. The Sedimentary Society. *Russian History*, 1989, vol. 16, no. 2—4, pp. 353—376.

6. Shkarovskij M. V. *Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematoriya kak sredstva bor'by s religiej* [Construction of the Petrograd (Leningrad) crematorium as a means of combating religion]. *Klio* [Clio], 2006, no. 3 (34), pp. 158—163. (In Russian).

7. Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda*. Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p. (In Russian)

8. Volkov A. G. *Perepis' naseleniya SSSR 1937 goda. Istoriya i materialy. Ekspress-informaciya. Seriya «Istoriya statistiki»* [Express information. Series "History of Statistics"], Issue 3—5 (part II). Moscow, Statistika, 1990, pp. 6—63. (In Russian)

9. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of its Technical Reproducibility. Selected Essays]. Moscow, Medium Publ., 1996. 240 p. (In Russian)

10. Vlasnikova M.A. *Revalorizaciya i revitalizaciya Smol'nogo sobora v kontekste muzejnogo dela* [The revalorization and revitalization of the Smolny Cathedral in the context of museum work]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture], 2020, no. 1 (42), pp. 6—11. (In Russian)

11. Izoitko A. P. *Prisposoblenie zdaniya Petrikirhe pod bassejn. Evangelicheskoy-lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkciy i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah* / sost. i red. S. G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 70—81. (In Russian)

12. Die St. Petri-Gemeinde. *Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg 1710—1910*. St. Petersburg, Buchdruckerei I. Ehrlich, 1910. 6 p., 346 s. (In Germ.)

13. *Cerkov' Petra i Pavla (lyuteranskaya). Kratkaya istoricheskaya spravka* / I. Macheret; sostavleno arhitekturno-restavracionnoj masterskoj № 11 proektnogo instituta «Lenproekt». Leningrad, 1955. Mashinopis'. (In Russian)

14. Fedorov S. G. *Arhitekturno-stroitel'naya istoriya zdaniya lyuteranskoj cerkvi sv. Petra i Pavla v Peterburge. Evangelicheskoy-lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkciy i rekon-*

strukciya zdaniya v 1994—1997 godah / sost. i red. S.G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 12—69. (In Russian)

15. Vencel' F., Vencel' S. Vozvrashchenie k hramu: 1994—1997. *Evangelicheskoy—lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkciy i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah* / sost. i red. S. G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 82—97. (In Russian)

16. Bondarev A. V., Leonov I. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu slozhnoorganizovannykh pamyatnikov kul'turnogo naslediya [Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu slozhnoorganizovannykh pamyatnikov kul'turnogo naslediya]. *Zhurnal integrativnykh issledovaniy kul'tury* [Journal of integrative cultural research], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 46—55. (In Russian)

17. Bondarev A. V., Leonov I. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu pamyatnikov kul'turnogo naslediya (na primere dvorcovo-parkovogo ansamblya Carskogo Sela). *Chast' pervaya* [Theoretical and methodological approaches to the study of monuments of cultural heritage (on the example of the palace and park ensemble of Tsarskoe Selo). Part one]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2018, no. 6 (86), pp. 78—87. (In Russian)

18. Taratynova O.V. *Cerkov' sv. Petra i opyt vosstanovleniya kul'tovykh zdaniy v Sankt-Peterburge. Evangelicheskoy—lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkciy i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah* / sost. i red. S.G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 98—111. (In Russian)

19. Ivanov E. Yu., Sevast'yanov K. K. Vitrazhi Petrikirhe. *Der Bote / Vestnik*, 1999, no. 3, pp. 18—19. (In Russian)